

УДК 34

Односторонние ограничительные меры с точки зрения международного права и права ВТО

Гордеев Артем АлександровичАспирант кафедры международного права
Дипломатической академии МИД России

119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1.

e-mail: Gordeev_avia@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правомерности односторонних ограничительных мер (ООМ), применяемых в отношении сельскохозяйственного сектора Российской Федерации, в контексте норм Всемирной торговой организации (ВТО). Цель исследования — выявление противоречий между ООМ и ключевыми принципами ВТО, такими как недискриминация, запрет количественных ограничений и обеспечение предсказуемости торговых правил. Методология включает анализ положений Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), Соглашения о сельском хозяйстве, решений Органа по разрешению споров (ОРС) ВТО, а также резолюций ООН. Результаты демонстрируют, что ООМ, опирающиеся на расплывчатые формулировки ст. XXI ГАТТ («существенные интересы безопасности»), системно нарушают принципы ВТО, создавая риски для глобальной продовольственной безопасности. Особое внимание уделено кейсам (США, ЕС, Россия), где ООМ использовались как инструмент политического давления. Выводы подчеркивают необходимость активизации механизмов ВТО для оспаривания ООМ, а также формирования норм, приоритезирующих продовольственную безопасность над односторонними ограничениями. Автор также подчеркивает, что в настоящее время рамках правовой системы ВТО формируется принцип исключения поставок сельхозпродукции из-под ограничительных мер, что ограничивает применение ст. XXI ГАТТ применительно к сельхозпродукции. Строгое соблюдение данного принципа безусловно будет способствовать обеспечению продовольственной безопасности и содействовать сотрудничеству государств в сфере сельского хозяйства.

Для цитирования в научных исследованиях

Гордеев А.А. Односторонние ограничительные меры с точки зрения международного права и права ВТО // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 432-442.

Ключевые слова

Односторонние ограничительные меры, ВТО, сельское хозяйство, продовольственная безопасность, ГАТТ, международное право.

Введение

В последние годы мировая продовольственная ситуация характеризуется высокой степенью нестабильности и неопределённости. Исследования показывают, что сочетание климатических факторов, экономических потрясений, а также политических решений привело к усилению угроз продовольственной безопасности как на уровне отдельных стран, так и на глобальном уровне. Согласно данным Всемирной продовольственной программы (ВПП), обострение международной напряжённости и нарушение цепочек поставок ещё более усугубили кризисные тенденции в продовольственной сфере, что особенно затронуло наиболее уязвимые слои населения и страны с высокой зависимостью от импорта продовольствия. Совместное заявление глав Всемирного Банка, Международного Валютного Фонда, Всемирной продовольственной программы и ВТО 2022 г. также разделяло пессимистичный прогноз и призывало мировое сообщество к скорейшему урегулированию конфликта на Украине в связи со значимостью роли обеих сторон противоборства в мировой системе продовольственной безопасности.

В отношении Российской Федерации в контексте проводимой ею внешней политики в последние годы вводится беспрецедентное количество односторонних ограничительных мер (ООМ), направленных на ограничение внешнеэкономической деятельности страны, включая её сельскохозяйственный сектор и торговлю. Эти меры, по сути, представляют собой именно меры одностороннего принуждения и ограничения, хотя инициаторы часто называют их «санкциями», пытаясь подчеркнуть пунитивную роль таких мер. Примером этому служит закрепленный в федеральном законодательстве США термин «Санкции против вредоносной деятельности России», который используется Управлением по контролю за иностранными активами США (Office of Foreign Assets Control, OFAC), а также аналогичные ограничения со стороны Европейского Союза, часто именуемые «санкционными пакетами» (хотя в рамках ст. 215 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС) они формально определяются как «ограничительные меры»).

Необходимость анализа данных мер с точки зрения международного права, и, в частности, права Всемирной торговой организации (ВТО), сейчас ощутима как никогда. Учитывая важную роль международного сотрудничества и торговли в укреплении глобальной продовольственной безопасности, регулирование мировой торговли в рамках ВТО представляет собой критически важный механизм, обеспечивающий равноправие и предсказуемость во внешнеэкономических связях. Однако односторонние ограничительные меры, которые зачастую принимаются без учёта обязательств, вытекающих из норм ВТО, поднимают вопросы о правомерности их применения. В связи с этим, данное исследование направлено на анализ ООМ в отношении российского аграрного сектора с точки зрения права ВТО, а также на выявление возможных последствий данных ограничений для международной продовольственной безопасности.

Цель настоящего исследования – обосновать недопустимость ООМ с точки зрения права ВТО и в контексте двух наиболее относимых к сфере сельского хозяйства документов: положений Генерального соглашения по тарифам и торговле и Соглашения о сельском хозяйстве и, основываясь на толковании и случаях применения в ОРС норм международных соглашений, определить вероятность оспаривания торговых ограничений, а также мер тарифного и нетарифного регулирования, принимаемых в отношении России, в рамках механизма ВТО.

Предметом исследования выступают односторонние ограничительные меры в области сельского хозяйства, принятые в отношении аграрного сектора России, российских лиц прямо

или косвенно, и их соответствие правовой обязанности ВТО на современном этапе.

Автором уделяется особое внимание именно сфере сельского хозяйства в связи с важностью данного сектора как для внутренней российской экономики, так и для мирового уровня продовольственной безопасности. Неудача Черноморской зерновой инициативы, фактическое бездействие ФАО и ООН перед лицом спровоцированного мерами США и ЕС продовольственного кризиса в странах Африки, показывают, что на современном этапе уместен поиск всё новых и новых инициатив для защиты суверенных прав Российской Федерации посредством предусмотренных международными соглашениями механизмов.

Обзор литературы

При этом тема оспаривания ООМ в рамках ОРС ВТО являлась актуальной практически на всём протяжении существования мирового торгового регулятора. Досконально тема была изучена Маартеном Сметсом, советником Секретариата ВТО, в 2000 году [Сметс, 2014, www] в контексте на тот момент относительно свежего спора Никарагуа против США, который породил не самую благоприятную для поддержания свободной торговли практику толкования статьи XXI ГАТТ. Касаясь относительно недавних работ, искрой, породившей пламенные дискуссии относительно возможности оспаривания ООМ в рамках ОРС ВТО, стали ограничения, введенные в отношении России в 2014 году. Одним из первых трудов была статья И.В. Рачкова 2014 года [Рачков, 2014, www]. О.С. Старшинова затронула тему принуждения в рамках системы соглашений ВТО, проанализировав понятие ответных мер и соотнеся их с понятием санкций в 2019 году [Старшинова, 2019, 8]. В. Бартенев обосновал необходимость активизации усилий по углублению международного сотрудничества в противовес нарастающему экономическому давлению со стороны стран-инициаторов ООМ [Бартенев, 2022, www]. Из относительно недавних трудов следует отметить статью А.В. Петренко [Петренко, 2019, www] которая детально разобрала тему ООМ в сельскохозяйственной сфере, но направлена была на иные цели – обосновать необходимость пресечь попытки некоторых групп лиц обосновать выход России из ВТО в качестве потенциально уместного в контексте современной мировой политики шага. Однако настоящая работа направлена скорее на иной результат - на проработку рисков Российской Федерации в случае попытки оспорить ООМ в сельскохозяйственной сфере в рамках ОРС ВТО.

Тема санкций, принудительных мер, односторонних ограничительных мер всегда была актуальна в науке международного права, о чем говорят многочисленные работы представителей отечественной доктрины (в российской доктрине международного права вопросам санкций посвящены работы таких учёных, как Г.М. Вельяминов, В.А. Василенко, М.В. Кешнер, И.И. Лукашук, Г.И. Курдюков и Н.В. Витрук). Исследования советских и российских классиков заложили основы подхода, согласно которому санкции допустимы исключительно как меры, принятые на основе международного права, прежде всего в рамках таких многосторонних механизмов, как ООН и ВТО (в случае последнего – как контрмеры). Советская школа международного права, опираясь на работы таких авторов, как М.В. Кешнер [Кешнер, 2015, 151], основываясь на подходе И.И. Лукашука, обосновывала идею, что санкции могут быть законными лишь при коллективном решении, когда нарушение международных обязательств одной стороной подтверждено соответствующими международными институтами, наделенными соответствующими полномочиями. В этом контексте доктрина исключает правомерность ООМ, поскольку они применяются отдельными государствами или

союзами без согласия всех сторон и в обход решений, принятых на основании общепризнанных норм международного права. Современная доктрина воспроизводит этот постулат, и следует согласиться, что ограничения могут быть наложены только международной организацией, но не отдельным членом, в отношении какого-либо другого члена этой организации.

Ввиду того, что любые ограничительные меры, направленные на государство-дестинатора таких мер, неминуемо будут оказывать воздействие на внутренние дела такого государства, возникает вопрос о принципе суверенного равенства государств и его соотношении с вводимыми ООМ. Тезис о том, что ООМ являются нарушением суверенитета государств и попыткой вмешательства во внутренние дела, является весьма распространённым. При этом, как верно отмечает Д.В. Галушко [Галушко, 2020, 42], рассуждая о трансформации суверенитета государств в условиях их членства в международных организациях, учредительным договором какой-либо международной организации будет закрепляться ее компетенция в отношении стран-членов. И сами государства, являясь суверенно равными членами организации, вправе отдавать часть своего суверенитета в сферу компетенции международной организации. Можно сделать вывод, что какие-либо ограничительные меры могут быть допустимы только при условии, если они вводятся коллективно (в форме решения уполномоченного органа) в соответствии с предусмотренным уставом какой-либо международной организации механизмами и только в отношении государства-члена такой организации. В настоящий момент такой механизм предусмотрен только в рамках ООН и ВТО.

С точки зрения отечественной доктрины и со ссылками на общие принципы и нормы международного права, закрепленные в Уставе ООН, единственным полномочным органом, способным принимать какую-либо форму международно-правового принуждения, в настоящий момент является Совет Безопасности ООН в силу Главы VII Устава ООН. Любые меры, принятые в обход этого механизма, следует признать противоречащими международному праву. И это позиция не только доктрины международного права, но и Генеральной Ассамблеи, изложенной в тексте ряда весьма значимых резолюций и документов.

Основная часть

Вопрос противоправности односторонних ограничительных мер, принимаемых в обход механизма Совета Безопасности, многократно поднимался на площадке ООН. В частности, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Необходимость прекращения экономической, торговой и финансовой блокады, введенной Соединёнными Штатами Америки против Кубы» (A/RES/73/8 от 2018 года), поддержанной 189 странами, прямо указано, что такие односторонние меры нарушают принципы международного права, подрывают принципы свободной торговли и судоходства, угрожают суверенитету государств, а также оказывают негативное влияние на реализацию прав человека и социально-экономическое развитие, нанося ущерб, прежде всего, наиболее уязвимым слоям населения.

Подобная позиция была подтверждена и в докладе Генерального секретаря ООН «Односторонние ограничительные меры как средство политического и экономического принуждения в отношении развивающихся стран» (2013), где отмечается, что односторонние меры наносят значительный ущерб странам с развивающейся экономикой. В этом контексте Генеральная Ассамблея неоднократно подтверждала свою позицию о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и защиты их суверенитета. Примеры включают Резолюцию 2131 «Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств

и защите их независимости и суверенитета» (1965) и Резолюцию 2625 (XXV) «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» (1970). Эти документы отражают долгосрочную приверженность ООН предотвращению использования односторонних мер принуждения, подчеркивая, что такие меры наносят наибольший урон именно развивающимся странам.

Ключевой аргумент, с нашей точки зрения ставящий точку в дискуссии касательно правомерности ООМ, заключается в принципиальном запрете экстерриториального действия норм национального права без согласия стран, на территории которых могут наступить последствия действия таких норм. Экстерриториальность действия норм национального законодательства в обход суверенитета государства-дестинатора ООМ противоречит принципам суверенного равенства государств и невмешательства государств во внутренние дела.

К сожалению, Международный суд ООН в своем решении по делу Никарагуа против США высказал совсем иную позицию, соответствующую скорее англо-американской доктрине международного права – хотя дело и было решено в 1986 в пользу Никарагуа, Международный Суд ООН установил, что в ООМ экономического характера не противоречат международно-правовому принципу невмешательства («Суд... не может считать такие действия в экономическом плане, как жалуется истец, как нарушение обычно-правового принципа невмешательства» [Краткое изложение решений..., 1992, 200]. Таким образом, даже несмотря на многочисленные резолюции Генеральной Ассамблеи и *prima facie* противоречие ООМ основополагающим принципам международного права, в настоящий момент нет действенных механизмов по оспариванию ООМ США или каких-либо других инициаторов ООМ, кроме как непосредственно в юрисдикции страны-инициатора ООМ.

Односторонние ограничительные меры долгое время являлись способом давления стран-инициаторов с целью спровоцировать определенные решения стран-дестинаторов. В этой связи некоторые исследователи, например, К.В. Крицкий, справедливо отмечают, что ООМ не являются институтом международного публичного права, а относятся скорее к чисто политическим, а не правовым, механизмам [Крицкий, 2021, 12].

В общем и целом, западная доктрина международного права характеризует ООМ как меры принуждения, направленные на склонение государства-дестинатора ООМ к совершению определенных актов в силу возникновения ответственности дестинатора за определённое международно-противоправное деяние. Экономические санкции, таким образом, воспринимаются западной доктриной как преднамеренные, инициированные правительством меры по разрыву или по угрозе разрывом традиционных торговых или финансовых отношений. И в целом, Д. Каушик вполне успешно излагает суть западного подхода к ООМ, суммируя, что «система ООН не является единственной правовой основой для введения государствами экономических санкций, так как в соответствии с обычным международным правом государства могут принимать односторонние санкции против государств, организаций и отдельных лиц. Различные региональные договоры также допускают применение коллективных экономических санкций» [Kaushik, 2022, www].

В доктринальных работах исследователей права Европейского союза санкции рассматриваются как один из инструментов сдерживания и предотвращения конфликтов, который необходимо использовать наряду с дипломатией. Источник их легитимности — международное право, право ЕС, международные обязательства Евросоюза в рамках ГАТТ,

ВТО и других организаций. Иными словами, односторонние меры допускаются наряду с многосторонними. [Portela, 2010, www]

Однако автор настоящей статьи воспринимает односторонние ограничительные меры как инструмент политического влияния, не имеющий ничего общего с санкциями, единственно легитимными лишь в рамках инструментов Устава ООН. Полагаем, что отождествление понятия санкций и ООМ недопустимо в первую очередь по юридическим причинам, так как эти понятия регулируются разными правовыми системами. Кроме того, позиция доктрины западных исследователей международного права, а также судей в упомянутом выше деле Никарагуа против США, обосновывающая легитимность ООМ в силу международно-правового обычая, тоже несправедлива. Достаточно вспомнить два основных элемента международно-правового обычая – совпадающую практику государств (*usus*) и признание субъектами международного права юридически обязывающей силы за правилом (*opinion juris*) и соотнести эти два элемента с осуждающими ООМ резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН, упомянутыми выше, чтобы убедиться, что ООМ не имеют за собой никакого обычно-правового основания.

В этом контексте следует обратить внимание на тот факт, что мировым сообществом всё чаще осуждаются ООМ, особенно если их введение ставит под угрозу сотрудничество государств в области сельского хозяйства и мировую продовольственную безопасность. На фоне обеспокоенности мирового сообщества о последствиях влияния ограничительных мер в отношении России на мировую продовольственную безопасность, в июне 2022 года, на Двенадцатой сессии Конференции министров Женева, которая проходила 12-15 июня 2022 года, совместным решением министров стран-участниц ВТО от 17.06.2022 г. закупки продовольствия в рамках Всемирной продовольственной программы получили официально закреплённый статус исключения из-под каких-либо экспортных или торговых ограничений всех стран-участниц ВТО. Факт существования специализированной Генеральной лицензии OFAC для сельскохозяйственной продукции, транспортируемой из России российскими судами, также говорит о том, что сами страны-инициаторы ООМ осознают значимость сельскохозяйственной продукции России для мирового рынка и необходимость делать исключения гуманитарного характера из своих же режимов ООМ.

С другой стороны, многие меры регулятивного характера в отношении торговли с российскими лицами или товарами, имеющими отношение к российскому аграрному сектору, приобретают форму ООМ несмотря на формальную готовность стран-инициаторов к сотрудничеству. Такими торговыми мерами, относящимися именно к сельскохозяйственной сфере следует признать комплекс мер, введенных ЕС в отношении России в рамках Регламента Совета ЕС от 31 июля 2014 года №833/2014. Этим регламентом установлен общий запрет на экспорт в Россию из ЕС товаров, относящихся к перечню товаров двойного назначения, что является, с нашей точкой зрения, мерой торговой политики, а по этой причине подпадает под компетенцию ВТО. Товары двойного назначения, в свою очередь, могут затрагивать косвенно и сферу сельского хозяйства.

Конкретная ООМ, направленная на ограничение торговли с российским аграрным сектором, является введенная 8 апреля 2022 г. Советом ЕС в рамках пятого «пакета» ограничительных мер квота на поставки российского поташа (углекислого калия), что является прямым противоречием положению ст. XIII ГАТТ, устанавливающей запрет на неоправданные количественные ограничения импорта и экспорта.

Эта проблема не нова и имеет прецеденты, демонстрирующие системные противоречия

между односторонними мерами и нормами ВТО. Ярким примером служат введённые администрацией Д. Трампа в 2018 году пошлины на сталь и алюминий (25% и 10% соответственно) под предлогом защиты национальной безопасности (ст. XXI ГАТТ). Несмотря на формальную ссылку на исключения ГАТТ, данные меры были расценены большинством членов ВТО, включая ЕС, Китай и Канаду, как протекционизм, нарушающий принципы недискриминации (ст. I, II ГАТТ) и запрет на количественные ограничения (ст. XI). В 2022 году группа арбитров ВТО подтвердила незаконность этих пошлин, указав, что США не представили убедительных доказательств связи импорта металлов с угрозами безопасности. Однако Вашингтон, заблокировав принятие решения через апелляционный орган, де-факто проигнорировал вердикт, подчеркнув уязвимость механизмов принуждения в ВТО. Учитывая нынешние угрозы администрации президента Трампа по введению пошлин в отношении Мексики, Канады, стран ЕС и Китая, какие-либо апелляции к принципиальной основе ВТО в контексте агрессивной тарифной политики США бесперспективны.

ООМ в сфере торговли сельскохозяйственной продукцией, техникой, а также сопутствующими товарами противоречат, в общем и целом, всей принципиальной основе соглашения ГАТТ:

- 1) Как гласит преамбула, стороны признают, что их «отношения в области торговли и экономическая политика должны осуществляться с целью повышения жизненного уровня, обеспечения полной занятости и значительного и постоянного роста уровня реальных доходов и эффективного спроса, а также расширения производства и торговли товарами и услугами». ООМ, в свою очередь, в значительной степени искажают принцип свободной торговли.
- 2) Статья I (Принцип наибольшего благоприятствования): Эта статья требует, чтобы любое преимущество или привилегия, предоставляемая одним государством-участником ГАТТ другому государству, автоматически распространялась на всех остальных участников соглашения. ООМ нарушают принцип наибольшего благоприятствования, поскольку ограничительные меры, применяемые в одностороннем порядке, создают дискриминационные барьеры против конкретного государства (в данном случае, России) и не распространяют равные условия торговли на всех членов ВТО.
- 3) Статья III (Национальный режим в отношении внутреннего налогообложения и регулирования). В соответствии с этой статьей ГАТТ, импортируемые товары должны получать режим, не менее благоприятный, чем предоставляемый аналогичным товарам национального производства, когда речь идёт о внутренних налогах и правилах. Односторонние меры, ограничивающие экспорт сельскохозяйственных товаров из России, противоречат этому положению, так как они фактически создают условия, при которых товары из страны-дестинатора ООМ получают менее благоприятный режим, что искажает конкуренцию на рынке.
- 4) Статья XI (Общий запрет количественных ограничений): Согласно статье XI, запрещены количественные ограничения на импорт и экспорт, такие как квоты, лицензии и иные подобные меры. ООМ, применяемые в форме запрета на экспорт или импорт сельскохозяйственной продукции, нарушают этот запрет, поскольку они ограничивают доступ определённых товаров на международные рынки, создавая искусственные барьеры для торговли.
- 5) Статья XIII (Недискриминация в количественных ограничениях): Эта статья требует, чтобы любые количественные ограничения, если они применяются, распределялись

недискриминационно между странами. Односторонние меры, направленные против конкретной страны, нарушают этот принцип, так как такие ограничения вводятся избирательно и не равномерно распространяются на всех членов ВТО.

Специальным соглашением в рамках правовой обвязки ВТО является Соглашение по сельскому хозяйству, принципиальным положением которого также ООМ *prima facie* противоречат ООМ. Оно предусматривает комплексную либерализацию мировой торговли в аграрной сфере и базируется на трёх основных столпах: поддержка внутреннего рынка, доступ к рынкам и сокращение экспортных субсидий. В рамках этого соглашения страны обязуются:

- Сокращать торговые барьеры – тарифные и нетарифные, что позволяет участникам рынка конкурировать на равных условиях;

- Обеспечивать равный доступ сельскохозяйственных товаров к международным рынкам через предсказуемые и прозрачные правила;

- Снижать уровень субсидирования, искажая конкуренцию на международных рынках, тем самым создавая условия для более справедливой конкуренции.

С нашей точки зрения, ключевая проблема статьи XXI ГАТТ заключается в принципиальной неопределённости термина «существенные интересы безопасности», что создаёт правовой вакуум, эксплуатируемый государствами для оправдания ООМ. Исторический контекст разработки Устава Международной торговой организации (МТО) демонстрирует, что авторы изначально осознавали риски, связанные с чрезмерно широким толкованием исключений. Как отмечал один из участников рабочей группы по подготовке Устава МТО (чьё имя, по информации И.В. Рачкова, к сожалению, осталось неизвестным), создатели документа стремились избежать формулировок, допускающих злоупотребления — например, открытого разрешения на меры «в связи с интересами безопасности». Такой подход, по их мнению, превратил бы исключение в «универсальную лазейку», позволяющую прикрывать протекционизм или политическое давление.

Риск недобросовестного толкования исключений по соображениям безопасности, заложенный в ст. XXI ГАТТ, подтвердился уже на ранних этапах применения соглашения. Первый прецедент возник в 1949 году, когда Чехословакия оспорила торговые ограничения, введённые США в отношении социалистических стран. Совет ГАТТ, избегая прямого разрешения политического спора, фактически признал за государствами право самостоятельно определять границы «существенных интересов безопасности», отказавшись от механизмов внешней проверки обоснованности таких мер. Хотя участники призвали стороны «действовать с осторожностью», чтобы не подорвать систему ГАТТ, прецедент закрепил норму «самостоятельной оценки» (*self-judging*), превратив статью XXI в инструмент политического давления.

Эскалация этой проблемы проявилась во время Фолклендского (Мальвинского) кризиса 1982 года, когда ЕЭС, Канада и Австралия ввели торговые ограничения против Аргентины, ссылаясь на «чрезвычайные обстоятельства». На заседании Совета ГАТТ ключевые участники, включая США, подтвердили, что ст. XXI не требует от стран ни уведомлять о мерах, ни доказывать их соответствие объективным критериям. Более того, было заявлено, что ГАТТ не обладает мандатом для оценки политических решений государств, даже если они де-факто нарушают принципы недискриминации. Этот подход легализовал практику, при которой страна-инициатор ООМ становится единственным «арбитром» в определении угроз своей безопасности, потенциально лишая стран-дестинаторов возможности оспорить меры в рамках многосторонней системы.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что односторонние ограничительные меры (ООН), оправдываемые ссылками на ст. XXI ГАТТ, системно противоречат фундаментальным принципам ВТО — открытости рынков, недискриминации и предсказуемости торговых правил. Даже если формально такие меры могут быть «вписаны» в рамки исключений по безопасности, их применение зачастую отражает не объективные угрозы, а политическую конъюнктуру. Примеры от Чехословакии (1949 г.) до Аргентины (1982 г.) и современных санкций против России демонстрируют, что ст. XXI превратилась в инструмент злоупотреблений, где страна-инициатор ООН выступает единственным судьёй в определении «чрезвычайных обстоятельств». Показательно, что уже в 2025 году, после переизбрания Д. Трампа, США заявили о планах введения новых тарифных барьеров против ряда стран, включая Китай и Мексику, под предлогом «защиты национальных экономических интересов». Несмотря на отсутствие доказательств связи этих мер с реальными угрозами безопасности, Вашингтон намеренно эксплуатирует расплывчатость ст. XXI ГАТТ, игнорируя принципы недискриминации (ст. I) и запрет на количественные ограничения (ст. XI).

Однако ключевым аргументом против бесконтрольного применения ООН становится формирующийся в практике ВТО принцип приоритета глобальной продовольственной безопасности над односторонними ограничениями. Решение министров стран ВТО, исключающее закупки Всемирной продовольственной программы (ВПП) из-под экспортных запретов, а также введение OFAC специальных лицензий для российского агроэкспорта, свидетельствуют: международное сообщество признаёт, что ограничения в сельскохозяйственной сфере недопустимы, даже если формально подпадают под ст. XXI. Этот принцип, по сути, устанавливает иерархию норм: обеспечение продовольственной безопасности превалирует над субъективными трактовками «безопасности».

Таким образом, сама логика развития права ВТО опровергает тезис о вседозволенности исключений по ст. XXI. Если ранее страны-дестинаторы ООН могли лишь апеллировать к «злоупотреблению правом», то сегодня появляется позитивная нормативная база для защиты агросектора. Крайне важно, чтобы государства, столкнувшиеся с ООН в сельском хозяйстве, активно обращались в Орган по разрешению споров (ОРС) ВТО, даже в условиях блокировки апелляционного органа. Фактически, ВТО начинает ограничивать односторонний произвол через признание коллективных интересов человечества как высшей ценности.

Библиография

1. Бартенев В. Влияние санкционного давления на продовольственную безопасность: традиционные и новые измерения // ИМЭМО РАН. 2022. №2. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2022/02/01_Bartenev_final.pdf (Дата обращения: 25.03.2025).
2. Галушко, Д. В. Развитие концепции суверенитета государств в условиях членства в международных организациях / Д. В. Галушко // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2020. – № 1. – С. 39-44. – DOI 10.22394/2074-7306-2020-1-1-39-44.
3. Кешнер М.В. Легитимность санкций в отношении Российской Федерации: международноправовой анализ // Журнал российского права. 2015. №7. С. 141-152.
4. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда ООН. Нью-Йорк: ООН, 1992. 289 с.
5. Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: автореф. дис. канд. юрид. наук. – Казань: КФУ, 2021. 22 с.

6. Петренко А.В. Использование исключений по соображениям национальной безопасности как аргумента в торговых спорах в ГАТТ-47 и ВТО // Торговая политика. 2019. №2. URL: <https://tpjournal.hse.ru/article/view/10140/11038> (Дата обращения: 25.03.2025).
7. Рачков И.В. Экономические санкции с точки зрения права ГАТТ/ВТО // Международное правосудие. 2014. №3. URL: https://academia.ilpp.ru/wp-content/uploads/2021/10/MP3-11-2014-Rachkov_sanktsii.pdf (Дата обращения: 25.03.2025).
8. Сметс М. Несовместимые цели: экономические санкции и ВТО. Что такое «существенные интересы безопасности» // Россия в глобальной политике. 2014. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nesovmestimyeczeli-ekonomicheskie-sankczii-i-vto/> (Дата обращения: 25.03.2025).
9. Старшинова О.С. Применение ответных мер в системе разрешения споров Всемирной торговой организации: автореф. дисс... канд. юр. наук. – Москва: ВАВТ, 2019. 24 с.
10. Kaushik D. Economic sanctions as an act of war // Modern Diplomacy: electronic journal. June 29, 2022. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2022/06/29/economic-sanctions-as-an-act-of-war/> (Accessed: 25.03.2025).
11. Portela C. European Union Sanctions and Foreign Policy / By Clara Portela. New York: Routledge, 2010. 193 p. URL: https://www.routledge.com/European-Union-Sanctions-and-Foreign-Policy-When-and-Why-do-they-Work/Portela/p/book/9780415502740?srsId=AfmBOoCrTWA-VN8E-IowHJysbfa2u7Do1YbtGWwzRPqCEB_qvlyMPCL (Accessed: 25.03.2025).
12. WTO Ministerial decision on World Food Programme food purchases exemption from export prohibitions or restrictions (Adopted in Geneva on 17 June 2022) // WTO Official Website. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN22/29.pdf&Open=True> (Accessed: 25.03.2025).

Unilateral Restrictive Measures in International and WTO Law

Artem A. Gordeev

Postgraduate student of the Department of International Law
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
119034, 53/2 Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Gordeev_avia@mail.ru

Abstract

This article examines the legitimacy of unilateral restrictive measures (URMs) imposed on the agricultural sector of the Russian Federation under World Trade Organization (WTO) rules. The study aims to identify contradictions between URMs and core WTO principles, including non-discrimination, prohibition of quantitative restrictions, and trade rule predictability. The methodology involves analyzing provisions of the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT), the Agreement on Agriculture, WTO Dispute Settlement Body (DSB) rulings, and UN resolutions. Findings demonstrate that URMs relying on ambiguous interpretations of GATT Article XXI ("essential security interests") systematically violate WTO principles, posing risks to global food security. Special attention is given to case studies (USA, EU, Russia) where URMs served as tools of political pressure. The conclusions emphasize the need to strengthen WTO mechanisms for challenging URMs and developing norms prioritizing food security over unilateral restrictions. The author highlights an emerging principle in WTO jurisprudence: the exclusion of agricultural products from restrictive measures, which limits the application of GATT Article XXI to this sector. Strict adherence to this principle would undoubtedly enhance food security and foster international cooperation in agriculture.

For citation

Gordeev A.A. (2025) Odnostoronnie ogranichitel'nye mery s točki zreniya mezhdunarodnogo prava i prava VTO [Unilateral Restrictive Measures in the Context of WTO Law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 432-442.

Keywords

Unilateral restrictive measures, WTO, agriculture, food security, GATT, international law.

References

1. Bartenev V. (2022) Vliyanie sankcionnogo davleniya na prodovol'stvennyuyu bezopasnost': tradicionnye i novye izmereniya [The impact of sanctions pressure on food security: traditional and new dimensions]. In: *MEMO RAN* [Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences]. No 2. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2022/02/01_Bartenev_final.pdf (Accessed: 25.03.2025).
2. Galushko D. V. (2020) Razvitie koncepcii suvereniteta gosudarstv v usloviyah chlenstva v mezhdunarodnykh organizatsiyah [Development of the concept of sovereignty of states in the conditions of membership in international organisations]. In: *Severo-Kavkazskiyuridicheskijvestnik* [North Caucasus Legal Bulletin]. No 1. pp. 39-44.
3. Kaushik D. (2022) Economic sanctions as an act of war. In: *Modern Diplomacy*. 29th June. Available at: <https://modern diplomacy.eu/2022/06/29/economic-sanctions-as-an-act-of-war/> (Accessed: 25.03.2025).
4. Keshner M.V. (2015) Legitimnost' sankcij v otnoshenii Rossijskoj Federacii: mezhdunarodnopravovoj analiz [Legitimacy of sanctions against the Russian Federation: international legal analysis]. In: *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. No 7. pp. 141-152.
5. *Kratkoe izlozhenie reshenij, konsultativnykh zaklyuchenij i postanovlenij Mezhdunarodnogo Suda OON* (1992) [Summary of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice]. New York: UN.
6. Kritsky, K.V. (2021). Sankcii i odnostoronnie ogranichitel'nye mery v sovremennom mezhdunarodnom prave [Sanctions and unilateral restrictive measures in modern international law]. Kazan.
7. Petrenko A.V. Ispol'zovanie isklyuchenij po soobrazheniyam nacional'noj bezopasnosti kak argumenta v torgovykh sporah v GATT-47 i VTO [Use of national security exceptions as an argument in trade disputes in GATT-47 and the WTO]. In: *Torgovaya politika* [Trade policy]. No 2. Available at: <https://tpjournal.hse.ru/article/view/10140/11038> (Accessed: 25.03.2025).
8. Portela C. (2010) *European Union Sanctions and Foreign Policy*. New York: Routledge.
9. Rachkov I.V. (2014) Ekonomicheskie sankcii s točki zreniya prava GATT/VTO [Economic sanctions from the point of view of GATT/WTO law]. In: *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice], No 3. Available at: https://academia.ilpp.ru/wp-content/uploads/2021/10/MP3-11-2014-Rachkov_sanktsii.pdf (Accessed: 25/03/2025).
10. Smeets M. (2014) Nesovmestimye celi: ekonomicheskie sankcii i VTO. Chto takoe «sushchestvennye interesy bezopasnosti» [Incompatible goals: economic sanctions and the WTO. What are 'essential security interests']. In: *Rossiya v global'noj politike* [Russia in Global Politics], No 4. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/nesovmestimye-czeli-ekonomicheskie-sankczii-i-vto/> (Accessed: 25/03/2025).
11. Starshinova O.S. (2019) *Primenenie otvetnykh mer v sisteme razresheniya sporov Vsemirnoj torgovoj organizacii* [Use of retaliation in the World Trade Organisation dispute settlement system]. Moscow.
12. WTO Ministerial decision on World Food Programme food purchases exemption from export prohibitions or restrictions (Adopted in Geneva on 17 June 2022). Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN22/29.pdf&Open=True> (Accessed: 25.03.2025).